

**ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ ПО С.Ю. ВИТТЕ
И УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НАЧАЛА 1930-Х ГГ. ПО И.В. СТАЛИНУ**

DOI 10.34685/ИИ.2026.72.17.012

Пономаренко Елена Владимировна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Военного университета имени князя
Александра Невского (Москва)
Email: Helen1211Ponomarenko@yandex.ru

Сафаралиева Дильяра Гаджиметовна,
кандидат экономических наук, заместитель директора
Московского дома национальностей (Москва)
Email: dilyarags@mdn.ru

Аннотация. *Статья посвящена сложной теме модернизации экономики России в первой трети XX в. Авторы считают, что суть реформ С.Ю. Витте и большевиков в период первой пятилетки была схожей: ускорение перехода страны к индустриальному развитию через перемещение ресурсов из аграрного сектора, – различались только методы: большевики больше делали ставку на директивное регулирование экономики. В настоящей работе сделан акцент на объективных факторах, которые определили характер и исход модернизационных реформ. Авторы доказывают, что важным фактором успеха реформ Сталина стали институциональные изменения в России, вызванные Октябрьской революцией 1917 года. Авторы считают, что последствия реформ С.Ю. Витте были положительными, но из-за Первой мировой войны путь модернизации России по Витте прервался. Ключевой ошибкой реформ С.Ю. Витте, как и всей финансовой политики Российской империи начала XX в., авторы считают ограничения прямого налогообложения на фоне того, что налоговая нагрузка на российскую экономику в то время была не выше, чем в развитых странах Запада.*

Ключевые слова: *реформы Витте, первая пятилетка, модернизация России, экономическое развитие Российской империи, идеология и экономика.*

Введение

При изучении даже экономической истории невозможно избежать обращения к биографиям государственных деятелей, чьи политико-философские взгляды имели значительное влияние на политику и не только в сфере экономики. С.Ю. Витте и И.В. Сталин – очень непохожие фигуры в российской истории, но при этом они оба считали необходимым ускорение развития России посредством вмешательства государства. Для С.Ю. Витте с его либеральными взглядами директивное вмешательство ограничивалось в основном инфраструктурными проектами, как, например, строительство железнодорожных магистралей. Сталин категорически не принимал в своей политике рынок и делал акцент на директивном управлении экономикой. Политику Сталина в этой связи следует рассматривать и как продолжение социального конфликта внутри российского общества, который начался до Октябрьской революции 1917 г.: это был конфликт между богатыми и бедными, который красной линией прошел от отдаленных деревень до проспектов Москвы и Санкт-Петербурга.

Проблема связи бедности в странах второго и третьего эшелонов капитализма с модернизацией и макроэкономической политикой очевидна и актуальна до сих пор. Особое внимание с середины XX в. и до сих пор уделяется изучению вопросов, связанных с отставанием, институтам и общественному выбору. Поэтому появилось понятие институциональной матрицы – исторически сложившейся устойчивой системы базовых институтов, регулирующих все общество, включая его экономическую

сферу. В рамках институциональной матрицы экономика не рассматривается в отдельности от всего остального общества, как это происходит в формате ряда экономических теорий.

Попытки связать личностные характеристики лидеров, включая их политико-философское мировоззрение, с особенностями проведенных ими экономических реформ выходят за рамки непосредственно экономической теории, и они имеют малую релевантность с экономической историей. Но мы не можем отрицать такую связь. Однако все-таки мы обходим этот вопрос, фокусируя внимание на изменениях базовых институтов в России первой трети XX в., вызванных трансформацией политического строя. Первая мировая и Гражданская войны вызвали изменения и в пропорциях распределения ресурсов, их качественных и количественных характеристик. Соответственно, целью настоящей работы является показать, как Октябрьская социалистическая революция 1917 г. повлияла на базовые характеристики национальной экономики России через изменения в первую очередь институциональной матрицы.

В работе доказывается, что трансформировался под влиянием смены политического строя рынок труда в масштабах всей страны: был утрачен значительный сегмент этого рынка – наем рабочих для поместий, последние, разумеется, были упразднены. Но и многочисленных и достаточно крупных коллективных хозяйств в сельском хозяйстве Советского Союза практически до Первой пятилетки не существовало. Крупные частные предприятия в городах также были упразднены в результате прихода к власти большевиков, но возникшие на их месте государственные предприятия периода НЭПа не обладали теми возможностями по предоставлению рабочих мест, какие имелись у частной крупной промышленности в поздней Российской империи (далее – РИ). В этой связи, для обоснования нашего положения о трансформации рынка труда в результате смены политического строя в 1917 г. в России, мы ставим задачу провести историко-экономический анализ именно данной сферы. Разумеется, и количества занятых по отраслям и ряду профессий после огромных людских потерь Первой мировой и Гражданской войн также изменились, на что мы в свою очередь обращаем внимание.

Распределение доходов в обществе претерпело значительные изменения в результате прихода к власти большевиков, сюда можно отнести и вывоз средств за границу с целью приобретения там активов. Немалая часть национального дохода в дореволюционной России шла на обслуживание внешнего долга и вывоз прибылей, полученных иностранными фирмами в стране. Трансформация национального дохода в пользу государства означала создание условий для мягкого бюджетного финансирования крупных проектов в промышленности. Показать этот процесс также есть задача данного исследования.

В результате Гражданской войны и восстановительного курса экономической политики в период НЭПа на несколько лет сократились расходы государства на развитие Дальнего Востока и Забайкалья; это позволило переориентировать часть ресурсов в советской экономике на решение задач развития старых регионов, и это имело, несомненно, позитивный эффект.

Наследие реформ С.Ю. Витте в ракурсе оставленных ими материальных ресурсов – это тоже важный вопрос, который стоит в стороне от предмета настоящего исследования; мы уделили много внимания этой проблеме в другой работе [1]. Мы уверены, что без наследия реформ С.Ю. Витте эффективность экономической политики большевиков в межвоенный период была бы ниже.

Трансформация сферы труда

В 1913 г. рабочих, занятых на крупных предприятиях промышленности и в организациях транспорта, насчитывалось 3938,9 тыс. чел., в строительстве – 1500 тыс. чел., но без учета чернорабочих, которые, как правило, являлись сезонными. Годовой заработок рабочего в 1913 г. составлял 258 руб. Таким образом, общая сумма фонда оплаты труда этой части занятых в экономике страны должна была составить немногим более 1,4 млрд руб., или около 7% национального дохода (далее –НД), если исходить из вычислений НД И.Г. Калабекова. Если опираться на подсчитанный нами гипотетический НД Российской империи 1915 г. – 1,36 млрд фунтов стерлингов (далее – ф. ст.), то мы можем сказать, что фонд оплаты труда рабочих именно этих сегментов рынка труда составлял чуть более 132 млн ф. ст., или около 14,4% НД (мы исходили из курса ф. ст. к рублю в канун Первой мировой войны как 1:10,8) [1, с. 65].

В 1926/1927 отчетном (и также бюджетном) году было задействовано в крупной промышленности 2 838 600 чел., но без транспорта; с учетом последнего этот показатель составил 4 095 600 чел. [2, с. 13] Транспорт поглощал огромный процент занятых вне сельского хозяйства как в Российской империи, так и в СССР. В строительстве в указанном отчетном году было задействовано в СССР 546 800 чел. Если заработная плата указанных выше сегментов пролетариата увеличилась на 167% от уровня 1913 г., то весь фонд оплаты труда в СССР в 1927 г. должен был составить приблизительно 188 млн против 132 млн ф. ст. в 1913 г.

Демографические потери из-за Первой мировой и Гражданской войн привели к сокращению численности рабочей силы в стране по сравнению с предвоенным периодом. В 1926/1927 г. лиц наемного труда в СССР насчитывалось чуть менее 11 млн чел., тогда когда в Российской империи 1913 г. – около 18 239 тыс. чел. [2, с. 13] Столь значительное сокращение произошло во многом за счет персонала в строительстве, как мы сказали выше, а также кустарной промышленности, где в конце НЭПа осталось немногим более 400 тыс. чел. против 3 млн чел. в 1913 г. [3, с. 219] Существенную роль здесь сыграло и законодательное ограничение на наем работников частными лицами, что сократило производительные силы в деревне. При этом ликвидация многих «нэпмановских» предприятий в ходе «великого перелома» имела мало смысла, так как 400 тыс. высвободившихся в результате этого рабочих рук не могли серьезно повлиять на рост промышленного производства.

Обратив внимание на занятость в сельском хозяйстве, мы можем сказать, как изменение баланса рабочей силы в результате Октябрьской революции и мероприятий начала Первой пятилетки повлияло на «великий перелом». До Первой мировой войны в сельском хозяйстве были заняты в качестве наемных работников примерно 6,5 млн чел., но фактически, как мы полагаем, больше. В 1928/1929 отчетном году были заняты в сельском хозяйстве 2 138 000 чел. [2, с. 13], что объяснимо как законодательным ограничением на наем рабочей силы, так и тем, что после Октябрьской революции окончательно прекратили существование крупные помещичьи хозяйства, частично работавшие на экспорт. Внешняя торговля зерном и другой аграрной продукцией была отдельной индустрией в дореволюционной России, поглощавшей немало ресурсов [4, с. 87–100]. В период НЭПа экспорт зерна сократился и стал контролироваться государством. В итоге произошло высвобождение порядка 4 млн рабочих рук. Это обеспечило социальную базу для трудовой миграции в города.

Поколение появившихся на свет в 1909–1914 гг. вступало во взрослую жизнь к моменту начала Первой пятилетки, это было поколение «бума» рождаемости. Но если в Российской империи значительная часть молодежи шла в «армию» неквалифицированных рабочих, что было связано с медленным развитием образования в стране, то при советской власти ситуация изменилась: профессиональное образование стало распространяться масштабнее, нежели в конце правления Николая II [5, с. 48–54]. Кроме того, спрос на труд низкой и средней квалификаций в аграрном секторе и в кустарной промышленности в 1920-е гг. заметно снизился, о чем выше. Нетрудно заметить, если посмотреть на данные, отраженные в таблице 1, что к 1935 г. численность занятых в экономике СССР возросла примерно на численность «излишних» в результате ликвидации крупных частных структур в сельском хозяйстве, бывших работников кустарных частных промышленных предприятий периода НЭПа и вступившие во взрослую жизнь лица.

Таблица 1. Численность работавших по найму в Российской империи и СССР (1900–1935 гг.)

Год	Численность занятых, тыс. чел.
1900	12 181,2
1913	18 238,9
1928	11 455,9
1929	12 147,0
1935	24 717,2

Источник: [1, с. 68]

Распределение национального дохода

Реформы С.Ю. Витте и И.В. Сталина были направлены в первую очередь на перераспределение национального дохода в пользу инвестиций в промышленность, но только методы были разными. С.Ю. Витте стремился в меньшей степени опираться на расходы государственного бюджета, для Сталина бюджет государства был центральным инструментом экономической политики.

В России начала XX в. был разрыв между темпами прироста основного капитала и чистой прибыли: прирост основного капитала составлял 7,2%. Около 3 млрд руб. в экономике уходило на потребление элит [6, с. 59]. В этом смысле прогноз С.Ю. Витте, сделанный им в 1890-е гг., что рост инвестиций будет провоцировать снижение прибыли, и это, в свою очередь, будет стимулировать инновационную активность (если говорить современным языком), не оправдался в полной мере (ментальность русской и американской элит все-таки была очень разной). Однако вся стратегия С.Ю. Витте в сфере налогообложения была ориентирована на снижение налоговой нагрузки на бизнес, чтобы последний больше инвестировал в экономику.

На начало правления Николая II расходы бюджета России были на уровне примерно 1,6 млрд руб., имелся даже небольшой дефицит [7, с. 494]. Императорское правительство проводило политику стабильного рубля, что подразумевало стремление к бездефицитному бюджету, что достигалось с трудом. В 1892 г. бюджет РИ имел дефицит в 74,3 млн руб.. Но в 1903 г. общий бюджет империи (включая чрезвычайные и обычные расходы) был сведен с профицитом в 381 млн руб. [8, с. 121] В 1913 г. общий доход бюджета государства составил почти 2,2 млрд руб., из них около 570 млн руб. составили доходы от государственного имущества, 606,5 млн руб. дали так называемые государственные регалии, среди которых были поступления от питейных заведений в сумме 542,288 млн руб. [8, с. 125] При этом значительный рост поступлений в бюджет империи обеспечили реформы С.Ю. Витте. Среднегодовое увеличение бюджета с 1892 по 1903 г. составило 10,5% против 2,7% за 1883–1892 гг. и 5% – между 1903 и 1912 г. По расчетам Н. Кутлера, рост баланса бюджета был обеспечен почти на 50% за счет «питейной монополии» и государственных железных дорог [9, с. 58].

Как считал П.А. Хромов, в 1911 г. расходы Российской империи составили 5 млрд руб., на 3,5 млрд руб. они финансировались за счет налогообложения и доходов от государственной собственности [7, с. 494–507]. Но примерно половина доходов бюджета РИ шла от государственной собственности, поэтому незадолго до Первой мировой войны налоговая нагрузка на экономику составляла приблизительно 8,5% от НД. Это больше, чем федеральные налоговые поступления в США в первое десятилетие XX в. (в среднем 2,5% от ВВП в год), хотя до Великой депрессии стабильно около 6% государственных налогов и сборов США приходилось на штаты и местные власти.

Подсчитать ВВП достаточно сложно для изучаемого исторического периода. Даже НД мы можем определять гипотетически. Известно, что в 1915 г. среднедушевой народный доход россиянина (то же самое, что и национальный доход) составлял 8 ф. ст. в год [10, с. 324], отсюда национальный доход должен был составить 1 млрд 336 млн ф. ст. (мы исходим из численности населения страны в 167 млн чел.).

Основной противник Российской империи в Первой мировой войне – Германия с населением около 70 млн чел. и среднедушевым народным доходом 31 ф. ст. [10, с. 324], в 1914 г. располагала совокупным народным доходом около 2,17 млрд ф. ст. При этом в рамках Пруссии (основная часть Германской империи) налоги в период 1905–1915 гг. составляли около 9% от НД [11, р. 51–60].

Расходы в государствах Запада распределялись в то время более эффективно, если принимать во внимание достижения этих стран в развитии инфраструктуры, медицины и образования, а также вооруженных сил. Другой вопрос, связанный с распределением в России, – строительство железных дорог и прочих объектов в регионах к востоку от Урала. Особенно затратными в этом смысле оказались Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Доля земских налогов в общей собираемости налогов оставалась невысокой – около 20% в начале XX в. Для сравнения: в Пруссии доля муниципальных налогов возросла к 1913 г. почти до 42%, в то время как общегосударственные налоги составляли менее 40% [11, р. 51–60]. Это означало, что на

обустройство городов и сел у немцев уходило больше бюджетных средств, включая улучшения в сферах образования и медицины. Касалось это и американцев с их традиционно высокими для периода до Второй мировой войны расходами штатов и местных властей.

После отмены военного коммунизма большевики вернулись к традиционной системе взимания налогов. Налоги также были разделены на прямые и косвенные, поступления от них и от других платежей в отчетном 1928/1929 г. составили 7 736 523 402 руб., из них на прямые пришлось почти 1,7 млрд руб. Неналоговые сборы дали еще 3 млрд руб. При этом НДС СССР вышел в 1928 г. на отметку 26,4 млрд руб. в текущих ценах. То есть налоговая нагрузка на советскую экономику составляла в конце НЭПа почти треть от НДС, более чем в три раза превышая эту нагрузку в Российской империи. Очевидно, и процент объема собранных прямых налогов по отношению к НДС в СССР в конце 1920-х гг. также заметно вырос по сравнению с 1913 г.

Россия потеряла приток иностранных инвестиций в результате Октябрьской революции 1917 г., но она отказалась окончательно в 1922 г. выплачивать старые государственные долги. Только в 1913 г. нерезиденты получили по долговым обязательствам 221 млн руб. [12, с. 218].

Частная рента с поместий составила в 1913 г. 430 млн руб. [12, с. 96]. Еще имели место доходы от арендных платежей в городах – 1035 млн руб. в 1913 г. в текущих ценах [12, с. 95]. Этот тип доходов был в СССР, разумеется, упразднен. Главным и почти единственным собственником жилья и земли стало государство, получив в свои руки эффективный инструмент регулирования экономики. Например, можно было дешевле и быстрее размещать рабочую силу в городском жилье, нежели в условиях наличия большого количества частных домовладельцев. С другой стороны, эти доходы от ренты создавали дополнительный спрос на предметы роскоши, это отвлекало ресурсы из тяжелого машиностроения в менее значимые для экономического развития сегменты экономики. Институциональная трансформация российской экономики в результате прихода к власти большевиков в финансовом выражении показана в таблице 2.

Таблица 2. Новые возможности советской власти в ракурсе макрофинансов

<i>Показатель, исключенный из экономической реальности России в результате смены политического режима</i>	<i>Сумма, млн руб. (данные за 1913 г. в текущих ценах)</i>
Чистые туристические платежи и иммигрантские трансферты	406
Рента от собственности	1 495
Расходы на домашнюю прислугу	268
Вывоз капитала в форме платежей по проценту частными компаниями и банками	150
Вывоз капитала в форме платежей по государственному долгу	221
Итого:	2 540 (около 15% от НДС)

Источник: [1, с. 65].

Правда, финансовые показатели не всегда полностью и точно отражают макроэкономическую ситуацию. Макрофинансы также не могут отразить истинное положение в отдельной отрасли или на отдельном рынке. Физический капитал менялся в своей стоимости, отсюда была различной степень доступности к производственным активам у предприятий. Но в период НЭПа большевики не могли полностью воспользоваться «плодами» этого достижения из-за последствий вызванной войнами

разрухи. Октябрьская революция также повлияла на изменение распределения доходов между капиталом и трудом. В 1926–1927 г. заработная плата составила 139% от уровня 1913 г., но с учетом соцстрахования и отчисления на прибыль – 167% [2, с. 6]. Но доля в национальном доходе оплаты труда возросла в период НЭПа незначительно, достигнув к концу НЭПа более 18% НД (с учетом зарплат на малых кустарных предприятиях этот показатель превышал 23% НД).

К 1928 г. экономика СССР в основном завершила восстановление, выйдя по ВВП и НД на уровень 1913 г. Отчасти это стало следствием реформ С.Ю. Витте и бурного развития российской экономики в начале XX в., в это время возникло несколько достаточно мощных для своего времени локальных энергетических систем и заметно расширилась сеть железных дорог.

НД Российской империи, уступавший НД Великобритании только примерно на одну четверть, был получен во многом за счет крупных инвестиций: объем накопленных инвестиций составил в 1913 г. около 3,9 млрд руб. [13, с. 72] Столь сравнительно большой для Европы объем накопленных инвестиций стал результатом во многом высоких прибылей в российской экономике. Согласно вычислениям С.Г. Струмилина, норма чистой прибыли только в промышленности России в период с 1885 по 1913 г. достигала 16,2% [6, с. 59]; у англичан этот показатель составлял в 1913 г. 14,9% [14]. Экономика США демонстрировала в это время относительно низкую норму прибыли – около 10%, тогда как Германия – около 15% [15, р. 12].

Немало ресурсов в советской экономике всегда шло на оборону, но исключение составляет период НЭПа. До 1927 г. советское руководство не воспринимало всерьез внешнюю угрозу. Все государства, участвовавшие в Первой мировой войне, проводили курс на сокращение оборонных расходов. В СССР вооруженные силы были сокращены в 1921–1924 гг. с примерно 5,3 млн чел. до приблизительно 0,6 млн чел., Красная армия была переведена на территориальный принцип комплектования. Даже в 1927/1928 бюджетном году оборонные расходы СССР составили около 1,1 млрд руб. [16, л. 13–19], что эквивалентно приблизительно 0,5 млрд российских рублей 1913 г. В 1913 г. военные расходы Российской империи составили 581,1 млн руб. [17, с. 38] при вооруженных силах мирного времени около 1,2 млн чел. Как мы видим, разница незначительная, и в 1913 г. Россия готовилась к большой войне. Но в 1923/1924 бюджетном году расходы на оборону составили только 369,2 млн руб. [18, л. 3], и это почти в шесть раз меньше, чем в 1913 г. В этой связи надо сказать, что прямым результатом демилитаризации советского общества в период НЭПа стала возможность увеличения затрат на капитальное строительство и восстановление основных фондов после Первой мировой и Гражданской войн. Кроме того, из вооруженных сил и ОПК в результате «пацифистского поворота» в политике Советского государства высвободились сотни тысяч рабочих рук для гражданского сектора экономики (приблизительно около 1 млн чел.), а также значительные производственные и финансовые фонды.

Заключение

Центральная власть в России на рубеже XIX–XX вв. и практически до Первой пятилетки стояла перед выбором между рынком и сильным государством, но до Октябрьской революции выбор делался однозначно в пользу рыночных институтов.

Реформы Витте так и не решили проблему особо высоких прибылей, тормозивших инновационное развитие. Эта проблема выступала негативным фактором для реформ на их завершающем этапе, а на начальном этапе, напротив, высокие прибыли привлекали иностранных инвесторов. Эту задачу решат большевики в рамках созданной ими институциональной матрицы, упразднив в народном хозяйстве капиталистическую форму прибыли. Большевистский режим также значительно сократил объемы потребления национального дохода элитарными сегментами общества и ренту.

Октябрьская революция 1917 г. создала для «великого перелома» начала 1930-х гг. достаточно хорошие условия: почти ликвидирован вывоз крупных денежных фондов за рубеж; упразднены крупные поместья, привлекавшие более 6 млн работников ежегодно при запаздывающей механизации сельского хозяйства (мотивация для нее была слаба на фоне демографического взрыва на селе), что к 1930 г. создало трудовой резерв для промышленности. В начале XX в. произошло накопление немалых объемов физического капитала в промышленности и в транспортной отрасли (и здесь надо отдать должное С.Ю. Витте), и это создало неплохие стартовые условия для модернизационных реформ

1930-х гг. Сократился масштаб кустарной промышленности. В результате изменения институционального строя в России вследствие прихода к власти большевиков высвободилось немалое количество рабочих средней квалификации с производственным опытом для крупных государственных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Попов, Г. Г., Сафаралиева, Д. Г. Почему у Витте не получилось, а Сталин имел успех. К вопросу о влиянии объективных факторов на модернизационные реформы в России // *Terra Economicus*. – 2024. – Т. 22. № 3. – С. 58–74.
- Мы берем фунты стерлингов как валюту расчетов, поскольку в начале XX в. это была наиболее стабильная валюта, в которой исчислялись макроэкономические показатели при международном сопоставлении.
- [2] Уланов, Н. А. Вопросы труда в цифрах : Статистический справочник за 1927–1930 гг. – Москва : Гострудиндат. 1930. – 95 с.
- [3] Корелин, А. П. Россия в 1913 году. – Москва : Ин-т рос. истории РАН, 1995. – 415 с.
- [4] Попов, Г. Г., Чибисова, Е. И. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? // *Terra Economicus*. – 2016. – Т. 14. № 3. – С. 87–100.
- [5] Астанина, Л. В., Новикова, И. В. К вопросу о качестве российской системы общего образования в начале XX века // *Современная научная мысль*. – 2023. – № 4. – С. 48–54.
- [6] Обухов, Н. П. Финансирование индустриального развития России в 1900–1914 гг. // *Финансы*. – 2012. – № 2. – С. 58–61.
- [7] Хромов, П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. – Москва : Политиздат, 1950. – 552 с.
- [8] Мартынов, С. Д. Государство и экономика: система Витте. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 402 с.
- [9] Болотов, С. А. Реформаторская деятельность С.Ю. Витте в области финансов и налогов // *Международный бухгалтерский учет*. – 2012. – № 21. – С. 56–64.
- [10] Шингарев, А. Н. Война и финансы // Ежегодник газеты «Речь». – 2016. – С. 313–389.
- [11] Spoerer, M. The political economy of taxation in nineteenth-century Germany // Nützenadel, A., Strupp, C. (eds.) *Taxation, State and the Civil Society in Germany and the United States, 1750–1950*. – Baden-Baden : Nomos, 2007, pp. 51–60. DOI: 10.5771/9783845205892-51.
- [12] Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. – Москва : РОССПЭН, 2003. – С. 255.
- [13] Попов, Г. Г., Раздина, Н. В. Прозрачность и геоэкономика Советской России // *Вестник Томского государственного университета. История*. – 2024. – № 87. – С. 66–76.
- [14] Arnold, A., McCartney, S. National income accounting and sectoral rates of return on UK risk-bearing capital, 1855–1914 // *ResearchGate* : [site]. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/237600188> (accessed on July 2, 2025).
- [15] Maito, E. The historical transience of capital: the downward trend in the rate of profit since XIX century // *MPRA Paper*. – 2014. – Paper № 55894. – P. 12.
- [16] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8418. Оп. 2. Д. 152.
- [17] Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1915 года. – Петроград, 1915.
- [18] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 325. Оп. 1. Д. 524.

OBJECTIVE REASONS FOR THE FAILURES OF RUSSIA'S MODERNIZATION ACCORDING TO S. YU. WITTE AND THE SUCCESSES OF SOVIET INDUSTRIALIZATION IN THE EARLY 1930S ACCORDING TO I. V. STALIN

Ponomarenko Elena Vladimirovna,
PhD in History, Research fellow,
Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow)

Safaralieva Dilyara Hadjimetovna,
PhD in Economic, Deputy director
of the Moscow House of Nationalities (Moscow)

Abstract. *This article explores the complex topic of Russian economic modernization in the first third of the 20th century. The authors believe that the essence of S. Yu. Witte's reforms and those of the Bolsheviks during the First Five-Year Plan were similar: accelerating the country's transition to industrial development through the transfer of resources from the agricultural sector. Only the methods differed, with the Bolsheviks placing greater emphasis on directive regulation of the economy. This paper focuses on the objective factors that determined the nature and outcome of modernization reforms. The authors argue that a key factor in the success of Stalin's reforms was the institutional changes in Russia caused by the October Revolution of 1917. The authors believe that the consequences of S. Yu. Witte's reforms were positive, but World War I interrupted Witte's path to modernization in Russia. The authors believe that the key mistake of S. Yu. Witte's reforms, as well as of the entire financial policy of the Russian Empire in the early 20th century, was the limitations of direct taxation, given that the tax burden on the Russian economy at that time was no higher than in developed Western countries.*

Keywords: *Witte's reforms, first five-year plan, modernization of Russia, economic development of the Russian Empire, ideology and economics.*

© Пономаренко Е.В., Сафаралиева Д.Г., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 12.01.2026.

Ссылка на статью:

Пономаренко, Е. В., Сафаралиева, Д. Г. Объективные причины неудач модернизации России по С.Ю. Витте и успехи советской индустриализации начала 1930-х гг. по И.В. Сталину. – DOI 10.34685/HI.2026.72.17.012. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2026. – № 1(63). – С. 29-36. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/746.html&j_id=67.